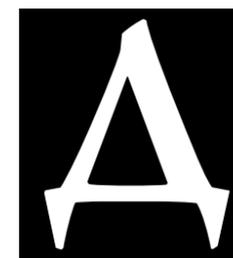

Близкие умершего Гемтазу, вождя племени анга, в знак траура обмотаны тапой — традиционной набедренной повязкой, изготовленной из вымоченной дубленой коры. Они готовятся к церемонии мумификации. Брат усопшего Маремба разводит огонь. По правую руку от него — 19-летний Исмаил, внук покойного

ДОЧЬ КОПЧЕНОГО

Шестнадцать лет назад немецкий фотограф Улла Ломан, оказавшись в Папуа — Новой Гвинее, случайно узнала из старого путеводителя о местном племени анга, которое то ли «курит» своих мертвецов, то ли «коптит» — в английском это слова-омонимы. Пораженная Улла решила сама навеститься к анга, чтобы разобраться, о чем идет речь

Текст: Семен Кваша
Фото: Улла Ломан

Папуасы
коптят
умерших,
чтобы
их души
продолжали
жить

Кок, деревня племени анга, расположена на высоте 1410 метров над уровнем моря на северо-западе страны. На центральной «площади» — круглый шалаш. Такая форма постройки идеально обеспечивает свободную циркуляцию дыма во время церемонии мумификации

ва года назад Улла Ломан участвовала в церемонии мумификации вождя Гемтазу, своего приемного отца, фотографируя все стадии процесса и документируя обряд, который, скорее всего, стал последним в истории племени анга.

Между этими двумя событиями была целая жизнь: Улла подружилась с папуасами, практически отрезанными от мира, выучила их язык и увидела, как они прямо у нее на глазах шагнули из каменного века в современность, не утратив при этом идентичности.

А началось все с извержения вулкана.

В 2001 году на острове Новая Британия, который входит в состав Папуа — Новой Гвинеи, в очередной раз просыпается вулкан Тавурвур. Извержение не очень мощное по сравнению с 1994 годом, когда Тавурвур стер с лица земли близлежащий город Рабаул. Улла, которая тогда училась в Австралии управлению природными ресурсами, бросает все и мчится фотографировать извергающийся Тавурвур, потому что это самое красивое зрелище на свете. Почти месяц Улла снимает вулкан, несколько раз едва не погибнув, а потом, раз уж она в Папуа — Новой Гвинее, решает посмотреть страну. Тогда-то ей и попадается на глаза загадочная фраза в путеводителе.

Новая Гвинея — очень гористый остров, заросший непроходимыми джунглями. Цивилизация добралась только до прибрежных районов острова. Миссионеры давно научили обитающие у моря племена носить одежду, приобщили их к грамоте и лекарствам. Так что на побережье живут мирные и вполне продвинутые островитяне, которые ловят рыбу и выращивают овощи в райском климате.

А вот в уединенных высокогорных долинах в глубине ост-

рова обитают гораздо более бедные и невежественные люди, до которых почти невозможно добраться. У всех горных племен свой язык, они либо вовсе не знакомы с соседями, либо воюют с ними.

Деревня племени анга, то ли курящего, то ли коптящего своих мертвецов, находится как раз в одной из таких труднодоступных горных долин, поэтому в тот раз Улле Ломан добраться до заинтриговавших ее папуасов не удалось.

Но Улла не привыкла отступать от намеченной цели. Она отправляется к анга во время следующих каникул, в 2002 году.

От аэропорта в Порт-Морсби, столице Папуа — Новой Гвинеи, в джунгли к анга можно добраться только на полноприводном грузовике. Ехать по бездорожью целый день, трясясь в кузове на мешках с кофейными зёрнами. Если машина застрянет в колее, ее вытаскивают все пассажиры. Если она ломается, приходится ждать следующего грузовика.

От городка, который был конечной точкой «кофейного» маршрута, до деревни анга — еще три часа пешком по джунглям. Добравшись до места, Улла подошла к первому попавшемуся папуасу на главной деревенской площади и попросила показать ей предков, которых они коптят. Тот рассмеялся в ответ. Видимо, в такой ситуации любой бы подумал, что заметка из путеводителя оказалась всего лишь анекдотом. Но только не Улла.

Она осталась сидеть на главной площади и стала разговаривать с женщинами и детьми: как фотограф Улла довольно много времени провела на Вануату и выучила язык тамошних папуасов — бишлама. Он оказался очень похожим на язык племени анга. И в Рабауле, снимая извержение вулкана, Улла пополнила свой словарный запас. ►►

Эти 16 мумий оберегают покой соседней деревни Ангапенга. Все они — жертвы бесчисленных межплеменных войн. Справа — мумифицированные мать и дитя

Гемтазу учит своего 12-летнего внука Нельсона, как с помощью красной глины защитить мумию его прадеда Муаманго. Правнук впервые прикаснется к его праху

Три поколения: впереди — Гемтазу, а за ним следует его сын Йангтенг с мумией своего деда Муаманго. В деревне мумию 1950-х «подреставрировали», и теперь она снова вернется на свое место на тропинке в горах, по которой проходит граница между кланами

Умершие старики сидят на завалинке, охраняя покой ПОТОМКОВ

Ей, конечно, сказочно повезло. На Новой Гвинее 800 языков (это примерно 25 процентов всех языков на планете), и даже у соседних племен иногда нет общих слов в лексиконе — а тут она смогла объясниться практически с первого раза. С другой стороны, у Ломан уникальный талант: она может заговорить на чужом языке уже через пару часов.

Что самое удивительное, она при этом еще и фотографировала собеседниц — и это не вызвало никакого недовольства. «Для меня это абсолютно естественно. Камера — это часть меня. Я одновременно снимаю и общаюсь, — рассказывает Улла. — Люди сразу привыкают ко мне с камерой. Это в нашем мире мы можем спрятаться за вещами — за одеждой, фотоаппаратом. А в традиционных обществах не знают, что если человек определенным образом одет или у него доро-

гая техника, то он профессиональный фотограф. Они просто видят меня такой, какая я есть. И мне нужно быть очень честной, рассказывать им, что я делаю и зачем. Для них не имеет значения, как ты одет, — они смотрят гораздо глубже, прямо в твоё сердце. Для фотографа это настоящий подарок».

Просидев на площади до вечера, Улла вернулась в городишко, куда ее довез грузовик, и на следующий день снова пришла в деревню — с едой, термосом кофе и подарками. К вечеру к ней наконец подошли поговорить и мужчины — им тоже стало любопытно. Улла так им понравилась, что они согласились показать ей предков. Но тут уже сама Улла отказалась. Она опять отправилась ночевать в городок, до которого идти три часа через джунгли. А наутро появилась в деревне в третий раз. И упорной женщине показали предков,

сидевших на скале и присматривавших за племенем анга.

«Когда мы туда поднялись, я не знала, чего мне ждать, — рассказывает Улла. — Мне было известно только одно: анга действительно коптят своих умерших. И вот мы на вершине скалы — а там сидят, как на завалинке, давно умершие старики и, как это ни странно прозвучит, наслаждаются жизнью. Я тогда поймала себя именно на этой мысли. Представляете?! Они совсем как живые! И с ними можно пообщаться. Старейшина племени, вождь Гемтазу, рассказал мне, что регулярно советуется с отцом, которого он сам мумифицировал. Гемтазу и меня представил своему папе. Это было очень странно, потому что я видела в тот момент лицо Гемтазу — он правда верил, что отец его слышит. И вместе с ним в это начала верить»

**После смерти
внучки
вождь
Гемтазу
удочерил
гостью из
Германии**

В 2011-м, за четыре года до смерти, Гемтазу начал готовить обряд своей мумификации — объясняя, в частности, в какой позе он должен остаться для вечности (слева вверху). Под трупом усопшего ставят сумку из тапы для сбора жидкости

►► и я. Понимаете, для меня одним из первых важных жизненных опытов стала смерть отца. Мне было 15 лет, я была на похоронах, это было ужасно. Человека кладут в деревянный ящик, ящик опускают в яму, засыпают землей — и все, это конец. А мумии остаются с тобой навсегда».

Когда закончились каникулы, Улла уехала, чтобы вернуться к Гемтазу и его племени на следующий год. И еще через год. И еще.

Это, разумеется, было началом прекрасной дружбы, которая таковой бы и осталась, если бы не случилось несчастье.

В 2005 году у главного героя этой истории — вождя Гемтазу — внучка заболела малярией. Целую неделю Улла, которая в это время как раз оказалась в деревне, пыталась договориться со своей страховой компанией, чтобы та прислала

вертолет по ее страховке. Но чудес не бывает, девочка умерла. И тогда Гемтазу сказал Улле: раз моя внучка умерла, ты будешь моей дочерью. И Уллу Ломан удочерили.

Никаких особых обязательств это удочерение на Уллу не налагало — разве что теперь она ездила не в гости к неизвестному дикому племени, а к себе домой. Ну и когда она вышла замуж (не за папуаса), выяснилось, что ее супруг должен заплатить за нее выкуп — подарить Гемтазу свинью. Муж Уллы не стал нарушать традиции, она представила его племени, и в деревне по этому случаю закатили пир горой.

А в 2015 году Гемтазу умер. За несколько месяцев до смерти он позвонил Улле (у нее на глазах в племя пришли мобильные телефоны и довольно радикально изменили его жизнь; за несколько лет деревня, словно на машине

времени, переместилась из первобытного мира в цифровую эпоху) и сказал ей, что он устал, что жена его умерла, что он совсем старый и тоже скоро умрет — в общем, все то, что время от времени говорят нам старшие родственники. Улла в ответ сказала ему все то же самое, что говорим нашим старикам и мы: что надо держаться, что это просто плохое настроение, что она скоро придет, и они с отцом еще посмеются над этим у очага... Но потом Гемтазу сказал очень важную вещь: когда он умрет, Улла сама должна закоптить его. Скорее всего, это будет последняя мумификация в его племени, и она должна не только оказать ему честь и сделать так, чтобы он и после смерти охранял своих потомков, но и снять это на камеру, чтобы остались документальные свидетельства об этом ритуале. ►►

В течение пяти недель после смерти Гемтазу его близкие оставались рядом с покойником. Они разговаривали с ним и рассказывали его любимые байки

Невестка и племянник Гемтазу, обмазанные глиной, оплакивают усопшего

«Он мне сказал: ты должна сфотографировать мою мумификацию, потому что я хочу, чтобы люди меньше боялись смерти. Смерть — это просто другая часть жизни, — вспоминает Улла. — Гемтазу верил, что если его мумифицируют, то у духа его будет дом и он продолжит жить».

Перед смертью Гемтазу выделили участок земли для церемонии, разбил на нем огород — участники ритуала не должны выходить за пределы этой территории и не могут общаться с остальными, а им же нужно чем-то питаться, — построил хижину и нарубил дров. А потом умер.

Улла после долгих колебаний приехала в деревню на третьей неделе траурной церемонии, которая длится около пяти недель.

Покойника сажают на деревянное кресло без спинки

и днища и привязывают к нему. Затем кресло ставят к большому костру, на котором жгут специальную твердую влажную древесину, дающую очень много горячего дыма. Кожу покойника протыкают острыми деревянными палками, чтобы оттуда вытекала кровь и другие жидкости. Правда, они не должны стекать на землю — это дурная примета, земля полюбит кровь и будет требовать ее еще и еще. Поэтому все, что вытекает из покойника, собирают в мешки, а потом обмазывают этим лицо и тело — так сила предка переходит в потомков.

«Конечно, меня тоже во всем этом вымазали, — говорит Улла. — Мне сказали: тебе придется, ты его дочь. У меня не было времени все это осмыслить. Дым каким-то образом все очищает, нет ощущения, что это грязно. И зловония никакого нет — довольно сладкий и острый запах».

Но до конца мумификации Улла не дотерпела. «Я все-таки западный человек, это невыносимо тяжело, — признается она. — Но мне еще нужно съездить туда один раз, чтобы довести дело до конца. Остался самый последний ритуал, но я, с вашего позволения, не буду о нем рассказывать».

Почти наверняка эта церемония мумификации станет последней в истории племени анга. Миссионеры и чиновники из министерства здравоохранения и раньше требовали запретить мумификацию как нечто негигиеничное и варварское. Предыдущая мумификация состоялась несколько десятилетий назад, когда Гемтазу хоронил своего отца. А нынешнюю разрешили только из уважения к Гемтазу, пожелавшему присматривать за своим племенем и после смерти.

К тому же мир анга за последние десять лет поменялся

Участники траурной церемонии, которая длится до пяти недель, все это время живут отдельно от племени на специально отведенном участке земли

Гемтазу готовится к смерти. Со слезами на глазах он всматривается в мумифицированное лицо своего отца

так сильно, что, наверное, скоро никому уже и в голову не придет коптить своих мертвецов.

«С 2009 года, когда у анга появились мобильные телефоны, молодые люди стали уезжать в города. Раньше тот, кто уезжал в город, терял связь с племенем, для родственников это было равносильно его смерти, — объясняет Улла Ломан. — А теперь есть телефоны, можно позвонить маме. Это очень важно, для папуасов семья — самое главное. Потом в деревне появилась больница, дети теперь реже умирают в младенческом возрасте. Но это обернулось серьезной проблемой: численность племени стала быстро расти, и земли уже на всех не хватает. Поэтому молодым людям приходится ехать на заработки в город. Часть зарплаты они отправляют домой, потому что теперь в деревне всем нужны и деньги — надо платить за мобильные телефоны. Заряжать их тоже надо, поэтому все в деревне обзавелись генерато-

рами. Кроме того стало легче вести бизнес. Анга вообще-то до сих пор живут натуральным хозяйством, но у них есть один экспортный товар — кофе. Сейчас они могут координировать его транспортировку с помощью телефонов, что вообще нетривиально — там ужасные дороги. Больше денег — больше связей с внешним миром, знаний о нем. Жизнь в племени изменялась, анга теперь хотят такого же комфорта, как мы. Они узнали, что такое городская жизнь — водопровод, электричество круглые сутки... Конечно, у них есть право на комфорт. Почему они должны жить хуже, чем мы? С дру-

гой стороны, наша жизнь тоже нелегка. Анга начинают понимать, что в городе нужно много трудиться, зарабатывать деньги, а потом на эти деньги покупать то, что в деревне у тебя есть по умолчанию. И выясняется, что жизнь в деревне проще, но скучнее. Многие молодые анга хотят учиться, путешествовать, общаться по интернету с другими людьми. Но им нужно найти некий баланс, чтобы не утратить свои традиции, став частью большого мира».

Ведь в большом мире, где нет места для мумий, мертвые предки не сидят на завалинках и не присматривают за потомками. ■

Не надо бояться смерти, это ведь просто другая часть жизни

Вулканы и малоизученные племена — любимые темы фотожурналиста и режиссера документального кино **УЛЛЫ ЛОМАН** (на фото она с приемным отцом Гемтазу). Ее фоторепортажи публиковали «Нью-Йорк Таймс», «Нью Сайентист», GEO, National Geographic, а документальный фильм «Утраченные мумии Новой Гвинеи» в 2011 году получил премию «Эмми».